

Встреча в Сливовом саду

Как только они переступили порог усадьбы, слуги тут же повели их во внутренний двор. Линь Лан бросил взгляд на вывеску над воротами, где красовались аккуратные иероглифы «Сливовый сад», и невольно хмыкнул. Просто и без затей!

Стоило им войти под своды сада, как перед глазами раскинулось ослепительное снежное покрывало, усыпанное ярко-алыми цветами дикой сливы. Контраст чистого белого полотна и пылающих лепестков навевал удивительное ощущение тепла. Плененный этой картиной, он ускорил шаг, увлекая за собой Ван Шанпиня, который едва поспевал следом.

— О, а это наверняка приготовили для меня! — Завидев в беседке изящную кушетку, Линь Лан радостно устремился к ней.

Он без лишних церемоний развалился на мягком сиденье и блаженно вздохнул.

Ван Шанпинь со смешком легонько хлопнул друга по плечу:

— И с чего ты взял, что она твоя? Ну и наглец же ты, братец!

Линь Лан лениво отвел его руку в сторону и, проигнорировав колкость, спросил:

— Если уж меня соизволили пригласить, то где все остальные?

Ван Шанпинь огляделся по сторонам и недоуменно пожал плечами:

— Сам не знаю. Мне велели забрать тебя и привезти сюда, а они обещали выехать раньше. По всем расчетам, им давно пора быть на месте.

Линь Лан неопределенно хмыкнул и с полуулыбкой попросил:

— Послушай, качни-ка меня.

Слуги, проводив гостей до беседки, куда-то испарились. Ван Шанпинь, зная неисправимую лень своего товарища, лишь тяжело вздохнул, придвинул стул и послушно принялся раскачивать подвесное ложе.

Почувствовав мерное покачивание, Линь Лан плотнее укутался в теплое меховое манто и с довольным видом закрыл глаза, мгновенно проваливаясь в дрему.

Вскоре послышались шаги — вернулась остальная компания. Ван Шанпинь прижал палец к губам, призывая их к тишине, и указал на спящего друга, который уже вовсю тихонько посапывал.

— Неужели А-Лан так утомился? — с улыбкой прошептал Ту Син.

Ту Син опустился на свободное сиденье и удивленно хмыкнул:

— И откуда здесь взялась эта кушетка?

Хэ Цинъянь окинул спящего холодным взглядом и ровным голосом произнес:

— Хватит притворяться, поднимайся. Не боишься простудиться на таком сквозняке?

Приоткрыв один глаз, Линь Лан нехотя сел и потянулся:

— Ну наконец-то. Где вас черти носили? Я тут едва со скуки не помер.

Ван Шанпинь с досадой толкнул кушетку чуть сильнее прежнего:

— И у кого только совесть повернулась такое сказать! Я тут его качаю, как младенца, рук не жалея, а он еще и жалуется!

От неожиданного толчка Линь Лан потерял равновесие и соскользнул с сиденья. К счастью, Хэ Цинъянь стоял совсем рядом у перил беседки и успел вовремя подхватить его за рукав. Линь Лан все же неловко покачнулся, но устоял на ногах, после чего одарил виновника испепеляющим взглядом.

Ван Шанпинь виновато улыбнулся и развел руками:

— Да я ведь едва прикоснулся! Как ты умудрился свалиться?

— Наш А-Лан хрупок, словно весенняя ветка, — хохотнул Ту Син. — Где ему выдержать твои богатырские порывы!

Линь Лан многозначительно прищурился и лукаво усмехнулся:

— Вот она, истинная братская преданность. Стоило разок попросить о пустяке, как тут же начался ропот. Что ж, раз ты со мной так, то и я в долгу не останусь. Как аукнется, так и откликнется!

Среди всей честной компании Линь Лан слыл главным заводилой и выдумщиком. Любая шалость или побег с занятий планировались им с таким изяществом, что наставники ни разу не смогли поймать его за руку. А как известно, ничто так не сближает молодых повес, как совместные прогулы и визиты в веселые кварталы. Они успели натворить столько глупостей вместе, что их дружба была крепче кремня.

По одному лишь взгляду друга Ван Шанпинь понял, что тот затевает очередную каверзу. Он поспешно вскочил с места и взмолился:

— А-Лан, пощади! Виноват, каюсь! Хочешь, я буду качать тебя до самого вечера?

— Ну уж нет, покорно благодарю, — фыркнул Линь Лан. — Мои кости мне еще дороги, боюсь, до вечера я просто не доживу.

Поняв, что Линь Лан сердится скорее для виду, Ван Шанпинь подошел поближе и принялся угодливо массировать ему плечи:

— Ну же, А-Лан, скажи, как мне искупить свою вину?

Линь Лан передернул плечами, стряхивая его руки, и недовольно буркнул:

— Отец наотрез запрещает мне держать дома кушетки. Твоя задача — купить мне самую лучшую и сделать так, чтобы он лично разрешил мне на ней валяться!

Хэ Циньянь смерил Ван Шанпиня презрительным взглядом:

— Помилуй, откуда у него на это умишко? Дядя Линь ни за что не пойдет на уступки. Придумай лучше другое наказание.

— Пой, а почему твой отец так ополчился на обычную мебель? — полюбопытствовал Ту Ли.

Линь Лан сокрушенно вздохнул и, усевшись за стол, подпер щеку рукой:

— Всею виной мои былые прегрешения. Был я тогда юн и неразумен...

— Ты? Юн и неразумен? — расхохотался Ту Син. — Да ты просто был несносным сорванцом!

— Если все знаешь, то зачем перебиваешь? — Линь Лан вздернул бровь. — Историю слушать будете или как?

Ту Ли легонько пихнул тринадцатого принца локтем:

— Замолчи, тринадцатый. Дай ему договорить!

Взглянув на Ту Ли, который сейчас напоминал ребенка, затаившего дыхание в ожидании сказки, Линь Лан продолжил:

— Было мне тогда лет шесть. Отец усадил меня зубрить трактаты, а сам незаметно задремал прямо на такой вот кушетке. Я закончил чтение, смотрю — спит безмятежным сном. Ну и не удержался... взял да и сбрил ему всю бороду под чистую. Очнулся он, хватился — а лица не узнать! В общем, выпороли меня тогда знатно, а вдобавок заставили переписать «Двадцать четыре примера сыновней почтительности» целых десять раз. С тех пор в нашем доме кушетки под строжайшим запретом. Отец просто видеть их не может — сразу вспоминает утраченную бороду.

Выслушав эту исповедь, приятели переглянулись и в один голос заявили:

— Так тебе и надо!

— Какая поразительная черствость! — картинно возмутился Линь Лан. — Но как бы то ни было, теперь это забота Шанпиня. Стоит мне притащить кушетку домой, как отец тут же велит вышвырнуть её вон. Так что, любезный друг, прояви смекалку!

Ван Шанпинь уныло повесил нос. Мысленно он уже проклинал тот миг, когда решил подшутить над другом. Заметив его обреченный вид, он ухмыльнулся:

— Ну что, небось думаешь: «Зачем только я полез её толкать?»

Тот отчаянно закивал, умоляюще глядя на мучителя. Но разве Линь Лан упустил бы возможность позабавиться за чужой счет?

— Можешь не стараться, — отрезал он с самым невозмутимым видом. — Когда отец отобрал у меня первую кушетку, я думал точно так же. Но, как видишь, раскаяние делу не помогает.

— До чего же ты коварен, А-Лан! — расхохотался Ту Син. — Бедный Шанпинь, попал ты в оборот!

Ван Шанпинь одарил его обиженным взглядом:

— Свои же люди, а глумитесь! Ладно-ладно, когда в следующий раз сам впадешь у него в немилость, даже не проси меня заступаться.

— Полно тебе, — хмыкнул Хэ Цинъянь. — Твое заступничество хоть раз имело вес?

Раздался дружный хохот. Даже Ту Ли не выдержал:

— Цинъянь, право слово, редко говоришь, но всегда не в бровь, а в глаз!

Линь Лан задорно рассмеялся:

— Решено. Шанпинь, мне безумно любопытно, какую басню ты сочинишь для моего батюшки, но помни — до наступления летней жары дело должно быть улажено. — Он повернулся к остальным: — Кстати о делах насущных. Вы ведь не ради того меня сюда звали, чтобы я тут зубами от холода стучал? Где угощение?

Ту Син сокрушенно покачал головой:

— Эх, видели бы тебя сейчас наши наставники! Дядя Линь — благороднейший муж, ученейший муж империи! Как у него мог уродиться такой обжора?

— Откуда мне знать? — белозубо осклабился Линь Лан. — Спроси об этом у него самого!

Ту Ли покатывался со смеху, со слезами на глазах колотя ладонью по столу. Хэ Цинъянь, устав от пустого трепы, недовольно поморщился:

— Кончайте балаган. Я проголодался.

— Вот и я о том же, — подхватил Линь Лан, поднимаясь со стула. — С самого утра маковой росинки во рту не было. Кое-кто примчался ни свет ни заря и выставил меня за дверь.

— Поклеп! — взвыл Ван Шанпинь. — Мне передали, чтобы мы поторопились! Я своими глазами видел, как они собирались выезжать из города. Откуда мне было знать, что эти господа умудряются припоздниться больше нашего?

— Ничего мы не припозднились! — заступился за себя Ту Ли. — Мы приехали первыми. Только вот пятый старший брат обмолвился, что в это время года на горе хоть и нет крупной дичи, зато можно отыскать затаившихся в норах зайцев. Ну мы и решили поохотиться ради забавы. Долго плутали, пока не наткнулись на выводок крошечных крольчат. мех у них оказался на редкость мягким и пушистым, и мы подумали, что тебе, А-Лан, они точно понравятся. Резать не стали, велели слугам отмыть их хорошенько. Заберешь с собой, когда поедем обратно.

У Линь Лана загорелись глаза:

— Белые?

— Все как один, — кивнул Ту Ли. — Только матери их поблизости не было, одни детеныши.

— Должно быть, ушла на поиски корма, — оживился Линь Лан и захлопал в ладоши. — Отдайте их мне, я сам их выхожу!

— Тебе мало целой голубятни? — скептически прищурился Ту Син. — Теперь еще и кроликов разводить вздумал?

— Одно другому не мешает, — ничуть не смутился тот.

Ван Шанпинь тут же воспользовался моментом:

— Кстати, А-Лан, раз уж зашел разговор... Расскажи-ка, что это за странные голуби у тебя завелись? Мои почтовые птицы, едва завидев их, напрочь забывают дорогу домой и улетают следом!

Линь Лан смущенно кашлянул:

— Это просто голубь-приманка... Но я ведь потом вернул твоих беглецов, чего ты ворчишь?

Остальные хоть и не держали птиц, но по названию сразу догадались, в чем соль, и дружно ухмыльнулись.

— Да уж, — покачал головой Ту Син. — С тобой ухо нужно держать востро, шельма ты эдакая!

Хэ Цинъянь со вздохом поднялся из-за стола:

— А-Лан, раз эти господа сыты разговорами, пойдем поедим без них.

Бросив эту фразу, он направился к дому. Линь Лан весело кивнул и поспешил следом. Поняв, что оставаться в беседке больше нет смысла, вся компания дружно потянулась за ними.

Обед прошел шумно и весело: вино лилось рекой, шутки не смолкали. Наевшись, хмельные молодые люди высыпали во двор — играть в снежки. Линь Лан поначалу увлеченно включился в общую забаву, но быстро притомился и отошел в сторонку, с улыбкой наблюдая за разыгравшимися приятелями.

У Линь Лана определенно имелся редкий дар: любого, даже самого благонаправленного отпрыска знатного семейства он умудрялся в два счета превратить в беззаботного мальчишку. Сам он любил говаривать: «Сколько бы лет мне ни исполнилось, я не собираюсь лишать себя радости поребачиться. А кому не нравится — пусть обходят меня стороной!» Дядя Линь, правда,

высказывался на этот счет куда лаконичнее: «Рыбак рыбака видит издалека».

Тот же Гу Ся вечно ворчал на взбалмошный нрав друга, однако сам при каждой встрече охотно ввязывался в ребяческие перепалки. Из этой вечной шутливой грызни и родилась их крепкая дружба: чем сильнее они подначивали друг друга, тем ближе становились.

Вдруг Линь Лан поймал себя на странном ощущении, будто за ними кто-то наблюдает. Он окинул взглядом заснеженный сад и заметил в отдаленной беседке две мужские фигуры. Присмотревшись, он узнал в одном из них пятого принца, Ту И.

Он хмыкнул и во весь голос крикнул приятелям:

— Братцы, мне приспичило, я на минутку!

И, не дожидаясь ответа, припустил по тропинке в сторону беседки.

Ту Ли, кативший огромный ком для снежной бабы, посмотрел ему вслед и покачал головой:

— Слышишь, тринадцатый? Ты был прав. Эту его выходку точно следовало бы показать нашим наставникам.

— Попрошу без фамильярностей, для тебя я — тринадцатый старший брат, — приподнял бровь Ту Син.

— Подумаешь, родился на пару дней раньше, а гонору-то! — беззлобно отмахнулся Ту Ли.

Пока они с шутками и смехом лепили снеговика, Линь Лан уже пробирался сквозь засыпанные снегом кусты, направляясь напрямик к заветной беседке.

Вообще-то, он не отличался безрассудством и редко искал встреч столь бесцеремонно. Но в этот раз какое-то безотчетное чувство упрямо гнало его вперед. Объяснить этот порыв он не мог, да и не пытался — зачем ломать голову, когда можно просто пойти и выяснить все на месте? В конце концов, какова бы ни была угроза, на любую хитрость всегда найдется управа.

Услышав за спиной приглушенное шагами шуршание снега и заметив многозначительную ухмылку своего брата, одиннадцатого принца Ту Вэя, Ту И обернулся.

Линь Лан приветливо улыбнулся и отвесил изящный поклон:

— Ничтожный Линь Лан приветствует Его Высочество пятого принца!

Ту И на мгновение лишился дара речи, завороченно глядя на вошедшего.

Ту Вэй не упустил случая поддразнить брата:

— Что с тобой, пятый старший брат? Неужто при виде такой красоты у тебя язык отнялся?

Ту И поспешно поднялся со своего места и строго свел брови:

— Одиннадцатый брат, попридержал бы ты язык! Перед тобой Линь Лан, законный сын господина Линя, министра финансов.

— Ах, так это тот самый молодой господин Линь! — рассмеялся Ту Вэй. — Наслышан, наслышан. Младший брат все уши мне прожужжал рассказами о твоём незаурядном уме.

Линь Лан с легким поклоном парировал:

— О вашем высочестве мне тоже доводилось слышать. Тринадцатый принц отзывался о вас как о первом повесе и балагуре столицы.

Ту Вэй так и залился смехом:

— А ты и впрямь за словом в карман не лезешь!

— Зачем ты пришел? — спросил Ту И, силясь сохранить напускную строгость. — Кажется, вы неплохо развлекались там, внизу.

Линь Лан лукаво сощурился:

— Я бы и не подумал нарушить покой ваших высочеств, если бы кое-кто не буравил нас взглядом со всей страстью.

Кончики ушей Ту И заметно порозовели. Он неловко кашлянул и отвел глаза.

Ту Вэй, с забавным прищуром переводя взгляд с одного на другого, радушно замахал рукой:

— Полно вам на пороге препираться. Присаживайся к нам, отведай горячего чая.

Линь Лан не заставил себя просить дважды. Он опустился на свободное сиденье, сделал осторожный глоток из пиалы и прикрыл глаза от удовольствия:

— Какой тонкий аромат... Неужели цветы сливы?

— Чай заварен на талой воде, собранной с лепестков дикой сливы, — негромко пояснил Ту И. — Оттого в нем и чувствуется эта легкая цветочная нота.

— Молодой господин Линь, — вмешался Ту Вэй, — тринадцатый зовет тебя просто А-Ланом. Позволишь и мне такую вольность?

— Для меня это будет честью, если ваше высочество не побрезгует, — с улыбкой отозвался тот.

Ту Вэй заговорщицки подмигнул брату. Ту И снова смущенно кашлянул. Заметив это, Линь Лан тут же добавил:

— И вы, ваше высочество, если не против, можете называть меня А-Ланом.

— Хорошо... А-Лан, — кивнул Ту И, стараясь говорить как можно невозмутимее.

Линь Лан бросил на него быстрый взгляд и заметил, что едва успевший сойти румянец вновь залил уши пятого принца густой краской. Он тихонько хмыкнул, но расспросы устраивать не стал, а вместо этого увлеченно заговорил с Ту Вэем о красотах далекого Гусу — особенно о весенних прогулках на расписных ладьях.

В этот миг они нашли друг в друге родственные души. Оба оказались страстными ценителями хорошего вина, изысканных видов и утонченной красоты. Разговор потек сам собой, яркий, непринужденный и бесконечный. Ту И, не разделявший увлечений подобного рода, чувствовал себя лишним. Будь беседа о тонкостях чайной церемонии, он с радостью вставил бы слово-другое, но в этих легкомысленных речах ему места не нашлось. И Великому князю Шэню оставалось лишь молча вздыхать, тоскливо осушая пиалу за пиалой.

<http://bllate.org/book/18219/1759681>